

«МАЛЫЙ БИБЛИОГРАФ»

В ы п у с к № 7

**МАТЕРИАЛЫ
ДВУХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ
В ПАРИЖЕ И ОДЕССЕ
(19.09.2015 & 10.10.2015)**

**К 40-летию создания
Исторических сборников «Память»**

Составитель

С.Д.

Издание второе, уточненное

**Издание Ассоциации
«Русский Институт в Париже»**

2015

*Ассоциацией «Русский Институт в Париже»
в серии «Малый Библиограф» изданы следующие сборники:*

- 2014 – Вып. 1 – «А вокруг ничего, никого»
(Год 125-летия со дня рождения Анны Ахматовой)
Вып. 2 – Без медиа в голове (Ни прогресса, ни традиции)
- 2015 – Вып. 3 – «Последние да будут первыми»
(К выходу в свет завершающего тома Сочинений Лидии Чуковской)
Вып. 4 – «Но дом не хочет больше пустовать»
(К 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского)
Вып. 5 – «Такая теперь тишина»
(К 50-летию последнего приезда Анны Ахматовой в Париж)
Вып. 6 – Биографический словарь сборников «Память»
(Рабочие материалы)
Вып. 7 – Материалы двух *Круглых столов* в Париже и Одессе,
19.09.2015 & 10.10.2015 (К 40-летию создания
Исторических сборников «Память»)

* * *

Заказы направлять по адресу:
Institut Russe de Paris
c/o Serge Deduline – 55, av. d'Ivry, 75013 Paris, France
(e-mail: inrusseparis@yahoo.fr)

*Издатель выражает надежду,
что заинтересованные лица – участники событий и коллеги-исследователи –
не замедлят присылать авторам и составителям наших сборников
свои замечания и поправки*

Выпуск 7 в серии «Малый Библиограф»:
Материалы двух *Круглых столов* в Париже и Одессе,
19.09.2015 & 10.10.2015
(К 40-летию создания Исторических сборников «Память»)
Составитель С.Д. / Éditeur S.D.
(e-mail : inrusseparis@yahoo.fr)
Издание Ассоциации «Русский Институт в Париже» / © Institut Russe de Paris, 2015
Верстка 3F SARL (e-mail : fffanya@free.fr)

«МАЛЫЙ БИБЛИОГРАФ»

В ы п у с к № 7

МАТЕРИАЛЫ
ДВУХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ
В ПАРИЖЕ И ОДЕССЕ
(19.09.2015 & 10.10.2015)

К 40-летию создания
Исторических сборников «Память»

Составитель

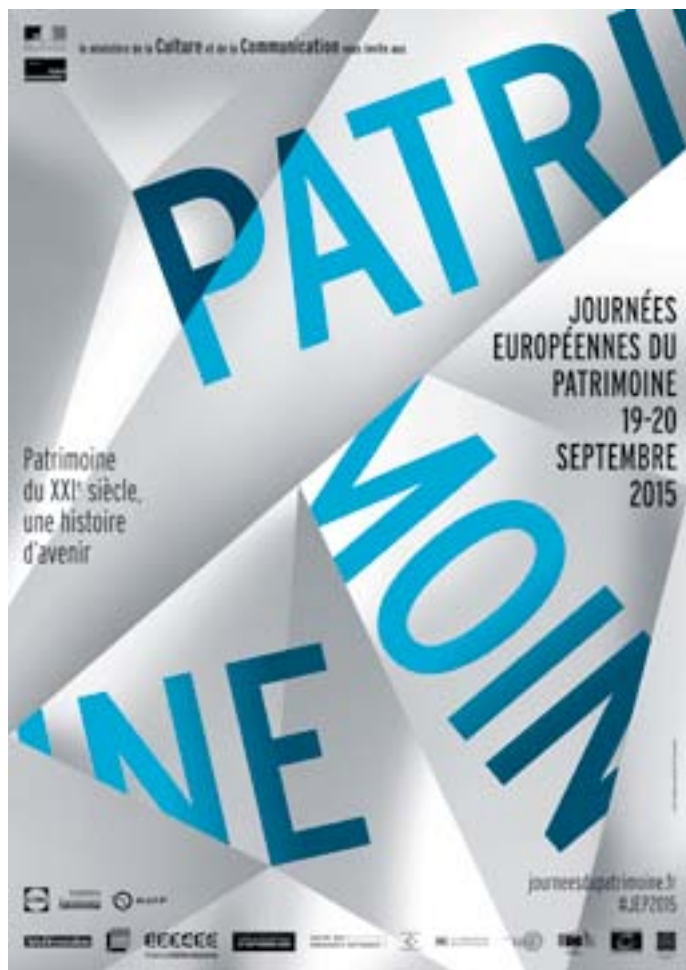
С.Д.

Издание второе, уточненное

Издание Ассоциации
«Русский Институт в Париже»

2015

ИСТОРИЯ РОССИИ ЭТО ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ЭТО ИСТОРИЯ МИРА

ИСТОРИЯ ПРОШЛОГО ЭТО ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

Памятная записка: МАТЕРИАЛЫ К ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КАНВЕ ИЗДАНИЯ СБОРНИКОВ «ПАМЯТЬ»

Составитель С.Д.

Декабрь 1973 – весна 1974 – весна 1975

В Париже один за другим впервые изданы три тома
эпопеи Александра Солженицына:
«Архипелаг ГУЛАГ (Опыт художественного исследования)»

Май 1975

В Москве Лариса Богораз публикует Открытое письмо председателю КГБ
Ю.В. Андропову с требованием оглашения данных о массовых репрессиях
и с предупреждением, что намерена самостоятельно заняться сбором
подобных исторических сведений

Август 1975

После продолжительных обсуждений в дружеском кругу историков и литераторов
Сергей Дедюлин и Валерий Сажин на каникулах в Усть-Нарве,
подытожив многомесячные дискуссии, набрасывают детальную программу
издания независимых научных историко-литературных сборников

Сентябрь 1975

В Публичной библиотеке в Ленинграде Сергей Дедюлин предлагает
Арсению Рогинскому встать во главе редакции исторического сборника

Октябрь 1975

Арсений Рогинский дает свое согласие и просит Сергея Дедюлина свести его
с надежными сотрудниками; так С.Дедюлин знакомит его со своими друзьями
Александром Добкиным и Феликсом Перченком

Ноябрь 1975

Ввиду предстоящей эмиграции в Париж Наталья Горбаневская приезжает попрощаться с ленинградскими друзьями и через А.Рогинского знакомится с С.Дедюлиным и А.Добкиным

Декабрь 1975

А.Рогинский предлагает С.Дедюлину поехать в Москву и предложить Ларисе Богораз сотрудничество в работе над историческими сборниками (а также передать Наталье Горбаневской предложение стать зарубежным представителем редакции); С.Дедюлин в Москве сразу встречается сперва у Натальи Червинской с Н.Горбаневской, а затем у Екатерины Великановой, в присутствии Натальи Кравченко, с Ларисой Богораз и ее сыном Александром Даниэлем, которые охотно дают свое предварительное согласие; день спустя и Н.Горбаневская через Л.Богораз передает С.Дедюлину, что с энтузиазмом принимает обязательства представлять редакцию за рубежом

Январь 1976

Приехав по предварительной договоренности в Москву, С.Дедюлин и А.Рогинский встречаются с Л.Богораз и А.Даниэлем и в течение двух дней обсуждают подробный план содержания первого выпуска; затем в этот тесный круг «редакции де-факто» вводится московский знакомый С.Дедюлина и А.Рогинского Алексей Коротаев, и начинаются переговоры и конкретная работа с ближайшими авторами (например, с Юрием Гастевым), дружеские консультации с заинтересованными в теме знатоками, приятелями того или иного члена редакции (например, с Вадимом Борисовым, Михаилом Гефтером, а также на том этапе с особенно помогавшей своими информационными связями Татьяной Басовой, и др.)

Февраль 1976

Лариса Богораз по уговору заранее приезжает вместе с маленьким тогда сыном Пашей Марченко в Ленинград, привозит уже первые из подготовленных ею и другими материалов, знакомится с шестым – ленинградским – членом первой редакции Валерием Сажиним; начало тесного общения и сотрудничества с ближайшими далее коллегами Вениамином Иофе, Константином Поповским; первые подступы к богатым пластам материалов, связанных с именем Н.П. Анциферова и с молодым социалистическим движением после революции (тесное общение с М.Р. Левиным); после обсуждения выбрано предложенное Л.Богораз и затем поддержанное А.Рогинским название сборника «Память», обозначены темы других важных материалов для этого и следующего выпусков

Апрель 1976

Последовательно, друг за другом, в Ленинград приезжают Л.Богораз и А.Даниэль; в течение недели на конспиративной квартире начерно завершается редакционная работа над окончательным составом первого выпуска;

с москвичами знакомят Александра Добкина и Бориса Митяшина (большие материалы «И.Вознесенского» / Ф.Перченка и «Л.Надвоицкого» / Алексея Авраменко представлены в редакцию и приняты в отсутствие авторов)

Июнь 1976

Все члены редакции собираются в Москве; после интенсивных обсуждений в коллективном соавторстве принимается написанный в основном А.Даниэлем «редакционный манифест» как предисловие к первому выпуску; по инициативе С.Дедюлина в него вносится посвящение первого номера Габриэлю Суперфину; А.Даниэль тут же предлагает добавить и посвящение тома Сергею Ковалеву (оба диссидента в тот период находились в заключении); первая – с легкими шероховатостями – версия тома снабжается составленным С.Дедюлиным и А.Добкиным указателем имен и сложными путями отправляется к зарубежному представителю для типографского издания, а небольшое количество экземпляров пускается и в самиздат; идея Юрия Гастева о формировании открытого комитета представителей редакции (в составе Л.Богораз, Е.Боннэр, В.Войновича, Ю.Гастева, Н.Горбаневской) не была реализована

Осень 1976

Начало активной работы над следующим томом; А.Добкин становится многопрофильным автором и по сути дела новым равноправным членом редакции. Завершение отшлифованной окончательной версии первого тома и пересылка его зарубежному представителю; интенсивная работа всех редакторов-комментаторов над разными сводами материалов для второго тома; через К.Поповского и А.Коротаева выход в Москве на Марка Поповского и на его темы (история генетики и движение толстовцев в СССР), а в Ленинграде через В.Июфе – на часто приезжавшего туда из Сыктывкара Револьта Пименова; развитие темы пореволюционной публицистики и правозащитной работы В.Г. Короленко, начало интенсивных контактов в Москве в этой связи с А.В. Храбровицким; сближение с Д.М. Бацером и углубление в тему молодого социалистического движения в межвоенную эпоху; продолжение в разных направлениях разработки тематики истории науки Феликсом Перченком, расширившим круг поисков и за пределы Ленинграда (поездки для сбора материалов в Эстонию, Белоруссию, Украину, Грузию...)

Первая половина 1977

Завершение первой черновой редакции второго выпуска – сборник обретает более широкий характер, выходя за рамки преобладавших в первом томе материалов о прямых репрессиях; в феврале первый обыск по «постороннему делу» у А.Рогинского; в мае–июне первые прямые атаки оперативного отдела ленинградского КГБ против А.Рогинского и его друзей (фабрикация нескольких доносов подвергшегося шантажу Александра Ляхова) – в ответ на это: отвлечение на самозащитные «беседы» с гебистами, участие Бориса Митяшина и А.Ляхова (знакомые ленинградских редакторов) в пресс-конференции для зарубежных журналистов в Москве (в присутствии А.Д. Сахарова и Т.С. Ходорович)

Первая половина 1978

В нью-йоркском издательстве «Хроника-пресс» выходит в свет типографское издание первого выпуска сборника; в этот период редакция в России завершает подготовку уже третьего тома; в результате интенсивных эпистолярных переговоров издание на Западе переводится из Нью-Йорка в Париж, в издательство YMCA-PRESS (в нем вышли 2, 3 и 4 тома; заключительный 5 том появился также в парижском издательстве LA PRESSE LIBRE уже в 1982)

Первая половина 1979

Первая крупная волна обысков у членов редакции сборника (в Ленинграде – у С.Дедюлина, А.Рогинского, В.Сажина; в Москве – у А.Даниэля и у матери А.Коротаева – Р.П. Цейликман), причем никаких материалов, собственно имеющих отношение к редакционной работе над «Памятью», ни в этот раз, ни при дальнейших обысках гебисты обнаружить не сумели и не изыкали; Л.И. Богораз, Т.М. Великанова, А.Д. Сахаров в Москве и Н.Е. Горбаневская в Париже предпринимают успешные действия в международной прессе по отведению угрозы ареста от составителей сборника; работа над «Памятью» однако и замедляется, и углубляется (разрабатываются более тонкие темы, связанные с именами Н.Бердяева, О.Мандельштама, Б.Пастернака и др.), и видоизменяется; начиная с выпуска 4-го законченных версий сборника в самиздат практически не поступает – все время продолжается доработка с внесением капитальных перемен в первые черновые версии вплоть до момента отправки в типографию на Западе

1980 – 1981

Сложившийся ритм выхода томов на Западе с двухлетним интервалом с момента завершения окончательной самиздатской редакции нарушается; к концу 1980 г. редакцией практически завершен своеобразный 5 том (как бы слегка облегченный, промежуточный между особенно богатым материалами по культурному наследию 4-м и не менее серьезно задуманным 6-м), но после этого неожиданно приходит взволнованное письмо Ричарда Пайпса из США с возражениями на критику его монографии в предыдущем выпуске: решено опубликовать это письмо в переводе и снабдить развернутым ответом (который волею судеб стал как бы завершающим концептуальным и прощальным словом редакторов «Памяти» вообще); тем временем в результате полугодового давления со стороны КГБ, в начале 1981 г., против всех своих намерений С.Дедюлин вынужден уехать в эмиграцию; вскоре после этого вновь арестован погибший затем в лагере А.Т. Марченко (соавтор, друг и муж Ларисы Богораз, которая тем самым лишена возможности активно продолжать редакционную работу), а также получивший требование эмигрировать А.Рогинский уклоняется от принятия решения; что вызывает его арест в августе и процесс в декабре 1981 г. – «Память» перестает выходить

ИСТОРИЯ ПРОШЛОГО ЭТО ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

О СБОРНИКАХ «ПАМЯТЬ» ПО УСТНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ РЕДАКТОРОВ

*Барбара Мартен
(Женева, Швейцария)*

В этом коротком сообщении мне хотелось бы коснуться следующих моментов. Во-первых, я постараюсь ответить на вопрос: Почему стоит изучать историю сборников «Память» сегодня? И другой, взаимосвязанный вопрос: чем сборники «Память» отличаются от других проектов диссидентской историографии? И последний вопрос: какие трудности связаны с изучением этой истории и почему именно сегодня – самое благоприятное время для ее изучения?

Я начну с краткого обзора истории «Памяти». Этот проект исторических сборников был задуман молодыми ленинградцами Сергеем Дедюлиным и Валерием Сажиным летом-осенью 1975 года. Они быстро убедили своего друга Арсения Рогинского, молодого историка, возглавить этот проект. К этому первоначальному ядру были привлечены москвичи Лариса Богораз и ее сын Александр Даниэль, ленинградцы Феликс Перченко и Александр Добкин. Кроме этих ключевых фигур, следует упомянуть и Дмитрия Зубарева, Алексея Коротаева, Бориса Равдина и других, которые принимали непосредственное участие в редакционной работе над сборниками «Память». Благодаря содействию Натальи Горбаневской, уехавшей к тому времени за границу (а также издателей Валерия Чалидзе и Владимира Аллоя), в тамиздате вышли все пять выпусков сборника «Память», с 1978 по 1982 гг. Редакционная работа была прервана лишь под давлением внешних обстоятельств: в 1981 году Сергея Дедюлина принудили к эмиграции, а через несколько месяцев арестовали Арсения Рогинского, так и не решившегося последовать за своим другом. На инсценированном процессе он был приговорен к 4 годам лагерей. Международная кампания солидарности в его защиту, поддержанная друзьями и коллегами в Европе и

Америке (в основном, С.Дедюлиным в Париже), не привела к смягчению приговора. Однако она привлекла всеобщее внимание к положению историков в Советском Союзе.

Итак, почему надо изучать историю сборников «Память» сегодня, через 40 лет после учреждения сборников? Какое место занимает «Память» в советской диссидентской историографии?

Парадокс заключается в том, что хотя представители диссидентского движения проявляли огромный интерес к советскому прошлому и к теме восстановления исторической правды, значительные инициативы независимого изучения прошлого можно буквально пересчитать по пальцам. В самиздате второй половины 1960-х гг. появилось много писем протеста в связи с казенными потугами реабилитации Сталина, а также некоторые творческие попытки осмыслить саму суть явления сталинизма в советской истории (такие, например, как эссе Григория Померанца «О нравственном облике исторической личности», 1965). Параллельно готовились два проекта совершенно иного масштаба, я имею в виду эпопею «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына и монографию «К суду истории» Роя Медведева. Хотя эти книги радикально отличаются друг от друга по их политической концепции и жанру, они, тем не менее, имеют и много общего. Оба автора опираются на устные свидетельства бывших узников ГУЛАГа, иногда даже одних и тех же людей. И, более глобально, обе эти книги создавались как реакция на «фигуру умолчания» в советском обществе: поскольку профессиональные ученые-историки абсолютно не занимались темой политических репрессий, непрофессиональные исследователи были призваны восполнить этот пробел.

Сборники «Память» были созданы два года спустя после появления в тамиздате «Архипелага ГУЛАГ» и четыре года спустя после выхода в свет также на Западе работы «К суду истории». Однако, несмотря на то, что «Память» имела меньший резонанс (хотя на все пять сборников появилось много рецензий на русском и даже на других языках), мы никак не можем пренебрегать этим уникальным проектом. Здесь я хочу процитировать беседу с Арсением Рогинским:

Мы не начинали с нуля. У нас был «Архипелаг ГУЛАГ» – один из самых важных пунктов нашей жизни.

Книга Солженицына построена вокруг одной идеи. Нам трудно было с ней полемизировать и трудно было согласиться. Александр Исаевич утверждает: когда-то была настоящая Россия, а потом вдруг свалились с неба большевики и овладели невинной душой русского народа. Порча коснулась всех, кроме тех, кто сохранил веру в Бога. Только они остались средоточием сопротивления и нравственности.

Любимая фраза Михаила Гефтера «все значительно сложнее» стала едва ли не нашим девизом. Мы не хотели вступать ни с кем в историософские споры и видели свою задачу в том, чтобы представить факты, проком-

ментированные факты. Уже в первом номере мы напечатали документы интеллигента с околкадетскими взглядами, православной монархистки, социалиста, правоверного коммуниста – мы были уверены, что только в этой полифонии можно будет услышать правду.

Из этой цитаты следует несколько важных моментов: это, прежде всего, намерения редакции «Памяти» стать над политическими спорами и представить более полную, как можно более объективную картину прошедшего, представить голоса свидетелей прошлого без всякого предпочтения. Это стремление к научности, которое четко обозначено и в предисловии к первому выпуску сборника. Научность и неполитичность взаимосвязаны: без существенной доли объективности исследование перестанет быть вполне научным. Это стремление, кстати, довольно уникально в диссидентской историографии. А.Солженицын и Р.Медведев, оба рассматривали свои труды как прежде всего политические и надеялись, что они будут иметь общественно-политический результат. Заниматься изучением прошлого в сугубо научных целях – стало совершенно новым явлением в советском диссидентстве. Конечно, с конкретными проявлениями объективности и неполитичности в сборниках «Память» можно спорить, но само по себе это стремление – главная отличительная черта «Памяти».

Кроме того, за 6 лет существования сборников (1976–1981) редакция сумела выпустить 5 объемных томов, внесших значительный вклад в историографию советского прошлого, особенно по таким вопросам, как движение сопротивления или политические репрессии. Поэтому можно сказать, что это намерение в значительной мере воплотилось в жизнь.

Теперь перехожу ко второму вопросу этого доклада: какие трудности представляет изучение истории сборников «Память» и почему именно сегодня – самое подходящее время для того, чтобы начать такое изучение?

Начну с трудностей. Первая заключается в том, что «Память», как и все диссидентские серьезные группы, вынуждена была соблюдать достаточно строгие правила конспирации. Поэтому многие документальные источники отсутствуют: что-то изымалось при многочисленных обысках или, чаще всего, было уничтожено самими участниками. По этой причине основной архивный фонд для изучения истории сборников «Память», на мой взгляд, находится не в России, а в Бремене: ведь только за границей могли спокойно сохраниться письма, документы, рукописи. Переписка членов редколлегии с ее зарубежным представителем Н.Горбаневской, например, представляет большой интерес. Тем не менее, часто не хватает многих элементов для восстановления полной картины происшедшего. Поэтому интервью с участниками «Памяти» имеют особую ценность. И хотя, к сожалению, уже скончались некоторые из ведущих фигур редакции, такие как Ф.Перченко, А.Добкин и Л.Богораз, мы могли все же взять интервью почти у всех остальных: у А.Даниэля, С.Дедюлина, Д.Зубарева,

А.Рогинского, В.Сажина. Однако устная история также выдвигает дополнительные трудности: как из самых разных изложений составить единый, непротиворечивый рассказ о прошлом? Когда воспоминания одного и другого расходятся, то как определить, кто прав и кто ошибается – или правда окажется где-то посередине? Конечно, все эти разные ретроспективы тоже значительно обогащают наше представление об истории сборников «Память».

Почему именно сегодня – самое подходящее время для такого исследования? Во-первых, потому что многие участники сборников «Память» еще живы и относительно молоды, они достаточно хорошо помнят о прошлом. В то же время уже много лет прошло с тех пор, и некоторые «страсти» уже улеглись, так что более объективный взгляд на прошлое представляется более доступным. Кроме того, достигнув определенного возраста, человек становится более склонным к тому, чтобы рассказывать о прошлом. Это что касается свидетелей и источников. Но не менее важным является новый взгляд на историю диссидентского движения, характерный для нового поколения исследователей. В последние годы появились многие интересные исследования о самиздате и диссидентстве, и это всего лишь начало новой волны интереса к событиям хрущевской и брежневской эпох. С открытием новых архивов становится реальным изучение истории второй половины 1960-х гг. и на основе архивных документов. Скоро это коснется и 1970-х гг., хотя доступ к архивам по-прежнему остается далеко не полным. Конечно, с постепенным уходом из жизни бывших диссидентов, историки потеряют неповторимые голоса свидетелей прошлого. Поэтому именно сегодня мы должны воспользоваться счастливой возможностью общаться с теми, кто еще может и заинтересован рассказать о прошлом.

Благодарю Вас за внимание.

Литература

Barbara Martin. History as Dissent. Independent Historians in the late Soviet era and in post-Soviet Russia: from “Pamiat” to “Memorial”. // Ben Dorfman (ed), *Dissent Refracted*, Peter Lang, 2015.

Исторический сборник «Память». *Составитель С.Д.* // Сб.: «Библиограф». Вып. 1. Париж: Издание Ассоциации «Русский институт в Париже». 2000, 2005, 2010.

Александр Даниэль. «Без диссидентов политика стала мелкой как лужа». Диссидентство как исторический феномен – глазами одного из участников и исследователей (Интервью записал Глеб Морев), 25.02.2015 // www.colta.ru/articles/dissidents/6426.

**ПАМЯТЬ О «ПАМЯТИ». О СПЕЦИФИКЕ
УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ
ДИССИДЕНТСКОГО
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА**

*Антон Свешников
(Омск, Россия)*

В истории советского диссидентства исторический сборник «Память» занимает особое место. В отличие от большинства других самиздатских и тамиздатских изданий, «Память», пять выпусков которой вышло в 1976–1981 (1978–1982) гг., была попыткой научного, академического, но в тоже время неподцензурного осмысления прошлого. В сборнике печатались воспоминания и другие архивные документы, которые в силу идеологической цензуры не могли быть опубликованы в СССР, научно-исследовательские статьи и рецензии. Фактически, сборник стал одной из первых попыток создания независимого научного гуманитарного периодического издания в СССР. Сборник готовился в Советском Союзе инициативной группой, в состав которой входили Л.И. Богораз, А.Ю. Даниэль, С.В. Дедюлин, А.И. Добкин, Ф.Ф. Перчёнок, А.Б. Рогинский, В.Н. Сажин и другие, а потом передавался на Запад, где при участии выполнявшей функции зарубежного представителя издания Н.Е. Горбаневской печатался под грифом одного из трех эмигрантских издательств (первый выпуск – в Нью-Йорке, остальные – в Париже). В современной литературе, посвященной изучению истории советского диссидентского движения, «Память» традиционно упоминается как важная веха в истории этого движения. Но при этом практически нет научных исследований, посвященных непосредственно изучению исторического сборника «Память», не определен ни круг авторов, ни авторство конкретных статей, ни источники публиковавшихся в сборнике воспоминаний и архивных материалов.

Не определены ни методы и принципы поиска авторов и подбора материалов для публикации, ни механизм редакционной работы. Нет и ответа на вопрос: как и почему появился неофициальный исторический сборник?

В значительной степени недостаточная изученность этого имеющего принципиальное значение сюжета в современной научной литературе напрямую связана с состоянием источниковой базы. Несмотря на то, что сборник «Память» издавался, казалось бы, совсем недавно, найти источники, содержащие достаточно достоверной и необходимой информации, оказалось очень непросто. Сами сборники в силу неподцензурного характера издания и конспиративной работы над ним не позволяют сколько-нибудь определенно ответить на поставленные выше вопросы. Существует небольшой комплекс опубликованной мемуарной литературы, в частности – воспоминания Л.И. Богораз, С.В. Дедюлина, а также В.Е. Аллоя. Эти тексты, отличаясь, как и многие другие мемуары, субъективностью, а порой и крайней полемической заостренностью, конечно, позволяют ответить на отдельные вопросы, но при этом ставят новые, порой более сложные. Понятно, что одни и те же события мемуаристы описывают и трактуют по-разному, создавая тем самым некоторые интересные и замысловатые проблемы для реконструкции истории «Памяти».

Существенную помощь в изучении истории исторического сборника «Память» оказывают неопубликованные архивные материалы, прежде всего из архива московского «Мемориала» и Исторического архива Института Восточноевропейских исследований при Бременском университете. Это в первую очередь так называемые «редакционные портфели» т.е. переписка членов «редакции» с зарубежным представителем, авторами и читателями, а так же черновые материалы с редакционной правкой. Это действительно ценнейший источник, однако, порой и этой информации оказывается недостаточно.

В силу этого в поисках недостающих сведений мы с моей коллегой Барбарой Мартен провели интервьюирование создателей и авторов «Памяти» А.Ю. Даниэля, С.В. Дедюлина, Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского, В.Н. Сажина (также получено письменное свидетельство К.М. Поповского). И в своем выступлении, носящем по сути источниковедческий характер, я хотел бы кратко поделиться некими соображениями по поводу возникших таким образом текстов как исторических источников.

Во-первых, авторы сборника в большинстве своем, за исключением С.В. Дедюлина, на уровне «первой реакции» не очень охотно берутся вспоминать о годах работы над сборником. Достаточно частый ответ: «Я почти ничего не помню», звучит несколько комично для авторов сборника с названием «Память». В итоге, конечно, всех удалось в той или иной степени «разговорить», и они рассказали много достаточно любопытных фактов и подробностей (оказалось, что помнят), но первая реакция была именно такой.

В-вторых, есть определенный набор «темных мест», о которых «стремятся забыть». Например, таковым является вопрос о «стукачах» или о лицах, в той или иной степени сотрудничавших с КГБ. (Но при этом об обысках и допросах вспоминают довольно охотно и даже «весело».) Другим «местом забвения» является вопрос о различных конфликтах членов «редакции» между собой.

В-третьих, имеет место «благородная» стратегия «глоризации» ушедших из жизни. Ф.Ф. Перчёнок, А.И. Добкин, Л.И. Богораз получают исключительно хвалебные оценки и описываются с применением восторженных эпитетов. Фактически, конструируется идеальный образ этих участников сборника. Этически это совершенно понятно, но для реконструкции истории создает определенные проблемы.

В-четвертых, пожалуй, самое главное. В большинстве своем ответы интервьюеров выстроены в рамках того же самого советского диссидентского дискурса 1970-х гг., что и сами сборники. Интервьюеры как бы достают из «архива» своей личной памяти те же образы, метафоры, оценки с имплицитно присутствующей в них идеологической составляющей, которыми пользовались в период работы над сборником и некритически их воспроизводят.

Думается, что рефлексия по поводу поставленных вопросов должна существенно помочь в дальнейшей работе по реконструкции истории этой славной страницы в истории как диссидентского движения, так и вообще независимой гуманитарной науки в СССР.

Литература

А.В. Свешников Теоретическая программа Исторического сборника «Память» // «Вестник Омского университета». Серия «Исторические науки». 2015. Вып. 4 (8) [В печати]

Исторический сборник «Память». *Составитель С.Д.* // Сб.: «Библиограф». Вып. 1. Париж: Издание Ассоциации «Русский институт в Париже». 2000, 2005, 2010.

Сергей Дедюлин. Письмо в редакцию // «Вопросы литературы», М., 1990, № 3, с. 226-231.

Сергей Дедюлин. «Тебя здесь нет...» О «Северной почте» из дали дней // Русско-французский разговорник, или / Ou Les causeries du 7 septembre. Сборник статей в честь В.А. Мильчиной. М., НЛО, 2015, с. 217-229.

РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ
INSTITUT RUSSE DE PARIS

КРУГЛЫЙ СТОЛ
**К 40-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ
СБОРНИКОВ
«ПАМЯТЬ»**

*Париж
19 сентября 2015*

Institut Russe de Paris
c/o Serge Deduline – 55, av. d'Ivry, 75013 Paris, France
(e-mail: venedoko@hotmail.com)

РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ
INSTITUT RUSSE DE PARIS

КРУГЛЫЙ СТОЛ
К 40-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ
«ПАМЯТЬ»

Париж
19 сентября 2015

Institut Russe de Paris
c/o Serge Deduline – 55, av. d'Ivry, 75013 Paris, France
(e-mail: venedoko@hotmail.com)

РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ
INSTITUT RUSSE DE PARIS

ПРОГРАММА

Вступительное слово
Сергей Дедюлин

Сообщения
Барбара Мартен (Женева)
Антон Свешников (Омск)
Сергей Дедюлин (Париж)

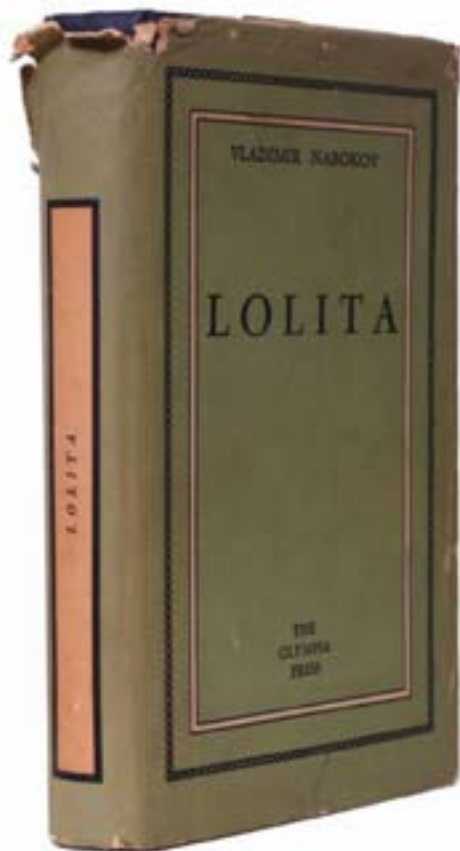
sous réserve:
Сергей Асланов (Париж)
Марко Саббатини (Мачерата)

Дискуссия
Тексты имеющихся свидетельств
авторов и редакторов «Памяти»

Презентация
Новые выпуски
научно-исследовательской серии
«Библиограф»

Особая признательность за содействие в подготовке и реализации
этого *Круглого стола* и его изданий
д-ру Марко Саббатини и г-же Ф. Фишер

15 СЕНТЯБРЯ 2015 ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ
СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ В ПАРИЖЕ

САМОГО ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
РОМАНА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА
«ЛОЛИТА»

ИСТОРИЯ ПРОШЛОГО ЭТО ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ВИКТОР КРИВУЛИН И СЕРГЕЙ СТРАТАНОВСКИЙ В ЖУРНАЛАХ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» И «ОБВОДНЫЙ КАНАЛ»

(Антропология ленинградского самиздата
в зеркале поэзии)

Марко Саббатини
(*Мачерата, Италия*)

Неофициальная культурная среда в Ленинграде осознала себя как единое движение на протяжении 1970-х годов, когда процесс освобождения от советского официоза и отказ от какой бы то ни было оглядки на цензуру способствовали обретению свободного творческого состояния, то есть фактически в тех конкретных условиях – по сути дела переходу в профессиональное литературное подполье нового поколения писателей. Интерес к поэзии в независимой культуре Ленинграда стоял на первом месте, и именно поэты оказались ближе всех к противостоянию жесткой и обскурантистской официальной системе культуры.

Отказ в издании и по сути дела запрет властями выпуска с энтузиазмом составленной самими независимыми литераторами в конце 1975 года антологии «Лепта» (естественная спонтанная творческая инициатива, которую резонно и продуктивно было бы исторически сопоставить с такими аналогичными интересными проектами самих писателей как замыслы альманахов «Литературная Москва»; 1956; «Тарусские страницы», 1961; «МетрОполь», 1979) внезапно вызвали к жизни, до того казалось бы и не намечавшиеся к изданию, свободные от всякой цензуры – неофициальные, но по сути дела и формально не подпольные, с указанием в них имен редакторов, то есть практически редакционных адресов – чисто литера-

турно-гуманитарные журналы «37» (1976–1981), «Часы» (1976–1990), «Серверная почта» (1979–1981), «Обводный канал» (1981–1993) и др.

В состав их редакций постоянно или на разных этапах входило немало самых различных ярко одаренных, в основном тогда молодых людей всевозможных профессий (например, Татьяна Горичева, Лев Рудкевич, Борис Гройс, Борис Иванов, Борис Останин, Леонид Жмудь, Кирилл Бутырин...), но в данном сообщении мы остановимся в первую очередь на только двух, весьма заметных и особенно творчески выделяющихся фигурах, тем более что как раз они внесли весьма существенный вклад в развитие именно *всех* этих примечательных вольных журналов (другие инициаторы оставались каждый связан лишь с одним из названных изданий). Это поэты и эссеисты Виктор Кривулин и Сергей Стратановский.

Сергей Стратановский и Виктор Кривулин еще с 1960-х гг. входили в плеяду юных вольных талантливых стихотворцев, таких как Тамара Буковская, Александр Миронов, Олег Охупкин, Елена Шварц, Владимир Эрль, каждый из которых стал обретать уже узнаваемый отчетливый голос примерно после 1968 г. Юношами они познакомились в самом начале 1960-х гг. в Литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров на Невском проспекте, дружба их прошла через всю жизнь; филологическое образование имело особое значение в биографии обоих поэтов. Они учились на филологическом факультете Ленинградского университета, посещали знаменитый среди нескольких поколений творческой молодежи Блоковский семинар, руководимый почти ровесником века, историком литературы и втайне тоже поэтом, проф. Дмитрием Евгеньевичем Максимовым.

В неофициальной среде Ленинграда 1970-х–1980-х гг. В.Кривулин и С.Стратановский увлеченно участвовали сперва в литературных семинарах, а затем и в почти стихийно возникших журналах, став одними из основных деятелей складывающейся новой независимой литературы. Напомним, что уже в начале 1970-х гг. в квартире С.Стратановского какое-то время работал философский семинар; позднее параллельно со знаменитым религиозно-философским семинаром Т.Горичевой (1974–1980) существовал и еженедельный филологический семинар «Культура начала века и современное сознание», основанный В.Кривулиным осенью 1975 г. Семинар В.Кривулина проходил по средам в квартире № 37, но работал только полгода. Весной 1976 г. почти одновременно появились альманах Бориса Иванова «Часы» (с № 12 – журнал) и журнал «37», название которого соответствовало номеру квартиры на Курляндской улице, где жили редакторы В.Кривулин, Т.Горичева и Л.Рудкевич (Л.Рудкевич в 1977 г. эмигрировал в Вену, за три года до Т.Горичевой, в 1980 г. уехавшей в Германию и затем во Францию; уже с 1988 г. стала регулярно возвращаться в СССР).

Интересно при этом отметить, что сама почва, питавшая создание этих беззаветно-смелых изданий (почти никто из их инициаторов никогда рань-

ше не был редактором), на деле была гораздо шире и разнообразнее, чем обычно обозначаемые и в отдельных воспоминаниях, и в уже немалом числе исследовательских набросков российских и зарубежных историков литературы – прежде всего, круг участников вышеназванных популярных домашних семинаров (злобно и не без смехотворной паники именовавшихся «салонами» – в закулисных стукаческих инструктажах и вербовочно-дознавательских «собеседованиях», проводимых провокаторами-«бесами» из так называемых «компетентных», то есть репрессивных структур) и, во-вторых, более широкий, смутный и зыбкий, подобно некоему полному сюрпризу «бульону», состав посетителей небезызвестного бара «Сайгон» на углу Невского и Владимирского проспектов.

Важно, что вокруг существовала тесно связанная многочисленными нитями с двумя выше названными «сгущениями» и не менее творчески концентрированная среда, состоявшая тоже из гуманитариев (литераторов, историков, философов, публицистов), художников, естественников или математиков – которые даже могли изредка, как исключение, заглядывать на семинары и собрания в знаменитую квартиру «37» или в очаг Юлии Вознесенской и ее супруга на улице Жуковского либо даже в неоднозначные бары «Сайгон» или «Белая Лошадь»... А могли и вовсе там не показываться, порой проживая буквально в соседних домах, но блюдя творческую чистоту своего исчезающего времени или уже имея в виду скорую пользу быть менее заметными для непрошенных над- и «под»зрителей...

Эта ближняя, но внешняя среда была много более прочно и глубоко связана с активистами тех «шумящих» в сердцевине общества внутренних «сгущений» – дружескими и мировоззренческими интересами, регулярно проявлявшимися в интенсивном индивидуальном и непубличном общении, при котором возникало креативное взаимовлияние на уровне конкретных, составляющих взаимное притяжение проблем или оценок или интеллектуальных и духовных потребностей. То есть никак не абсолютно чуждыми и играющими роль поистине реальной, как бы «зеркальной», «реферативной группы» – становились казалось бы внешне и по форме совсем иные кружки: – скажем, домашние семинары математиков и естественников (там однако выступали и такие гуманитарии из Москвы как Лев Копелев или Вяч. Вс. Иванов) на квартире Сергея и Нины Масловых, на базе которых вскоре возник единственный в самиздате – вольный реферативный журнал «Сумма»... Или же никак не формализованные, но тесно спаянные целенаправленными творческими интересами в подготовке серии – также уникальных в самиздате! – вольных Исторических сборников «Память», несколько пересекающихся содружеств вблизи ленинградцев Сергея Дедюлина и Арсения Рогинского (московского крыла их редакции мы тут не затрагиваем).

Как раз через Арсения и Наталию Рогинских – видимо, отчасти еще до начала, но и более тесно затем в процессе практической работы над на-

учными сборниками «Память», а именно летом-осенью 1975 года, – Сергей Дедюлин и познакомился, быстро дружески сблизившись, сначала со С.Стратановским, а затем и с В.Кривулиным (так что в дни 40-летия создания сборников «Память» вполне резонно отметить и эти художественно-созидательную и научно-историческую ауры, столь гармонично и естественно наплывавшие тогда одна на другую в том мире со-творчества; иначе говоря, можно вспомнить многозначные слова акад. Андрея Сахарова: «Культура пересекается»). Тем для заинтересованного обсуждения и в поэзии давнего и недавнего прошлого, и среди художественных проблем современности всегда хватало; обе стороны деликатно и корректно, но внимательно откликались на общественные и творческие проблемы друг друга. Так, именно конкретные рекомендации С.Стратановского помогли – сразу после завершения составления выпуска первого сборника «Память» – посетить его друзей-литераторов в Киеве одновременно поехавшим туда летом 1976 года и С.Дедюлину, и А.Рогинскому. В дальнейшем, к некоторым философски-мировоззренческим историческим публикациям у них в изданиях, соредакторы «Памяти» Александр Добкин и А.Рогинский привлекли и охотно углубившегося в них С.Стратановского.

Впоследствии, после преодоления ряда навязанных извне весьма ощутимых испытаний, проверив взаимное дружеское и деловое доверие (отнюдь не всегда столь углубленное с другими знакомыми), С.Дедюлин поздней весной 1979 и выдвинул достаточно оригинальные идею и формулу нового – совсем на ином организационном уровне – Журнала стихов и критики «Северная почта» обрадованному этими предложениями Виктору Кривулину и затем уже теснейшим образом дружески сотрудничал с ним и в других именно наиболее ответственных литературно-общественных делах. Как, например, и консультируя молодого сотрудника того по обновленному журналу «37» Леонида Жмудя, так и открыто проявляя полную солидарность, при нескрываемом внутреннем скепсисе, во время феерической попытки В.Кривулина (тут же вызвавшей у него самого и у некоторых молодых его коллег свирепые обыски и панические угрозы оперативников из госбезопасности) провозгласить в самом начале 1981 года вместе с Суреном Тахтаджяном создание Независимого профсоюза работников культуры. Именно эта инициатива поэта, эссеиста и редактора уже двух литературных журналов на самом деле и дала мощный толчок согласно властей тут же пойти на открытие, пусть в иной и более «зубатовской» форме, тогда прогремевшего Клуба-81 (а эта решающая предварительная «кривулинская» составляющая упрямо игнорируется во всех мемуарных реконструкциях – ныне покойных и Бориса Иванова, и Эдуарда Шнейдермана – всяческих смутных интриг, проворачиваемых тогда репрессивными «компетентными» и «директивными» органами в попытке опутать независимых литераторов своими сетями).

При создании той же «Северной почты» летом 1979 года С.Дедюлин с полного согласия приветствовавшего это В.Кривулина в первую очередь привлек охотно откликнувшегося С.Стратановского (как и Тамару Буковскую, Олега Охапкина, Владимира Эрля...) к активному участию в новом журнале. С.Стратановский поместил там не только представительную подборку и отдельные яркие стихотворения (как и все представители этой плеяды), но и с энтузиазмом откликнулся на предложение написать несколько выразительных рецензий – на книги Владимира Уфлянда, Виктора Ширали...

Стихотворения С.Стратановского были помещены в первом номере «Северной почты» (Стратановский С. Стихи 1979 года // «Северная почта». 1979. № 1/2. С. 27–36) и в восьмом, посвященном памяти Александра Блока (Стратановский С. На «музыку» Блока // *Там же*. 1981. № 8. С. 4). В четвертом номере журнала появилась вообще первая критическая статья о поэзии С.Стратановского: под псевдонимом Александр Каломиров В.Кривулин разобрал самиздатский сборник поэта «В страхе и трепете» (Каломиров А. Третья книга Сергея Стратановского // *Там же*. 1979. № 4. С. 24–44).

Через год С.Дедюлин попросил С.Стратановского о согласии на параллельную публикацию в «Северной почте» некоторых из ответов на анкету к юбилею Александра Блока, подготовленную к печати в равным образом независимом литературном сборнике «Диалог» под редакцией К.Бутырина и С.Стратановского (в нем поэзия занимала не столь определяющее место). Причем он организовал это в своем ежеквартальнике так ярко и своеобразно (отчасти воспроизведя эти материалы вскоре по приезде в Париж в газете «Русская мысль» и в журнале «Вестник РХД»), что, по всей очевидности, это оказало некоторое стимулирующее дополнительно воздействие на редакционные проекты его коллег, которые после погрома властями «Северной почты» – тут же приступили к изданию (продолжившего и углубившего формулу «Диалога») журнала «Обводный канал», где через пять лет уже на гораздо более фундаментальной основе провели и следующую творчески и мировоззренчески активную анкету среди молодых современников к юбилею Велимира Хлебникова – а с этого юбилея, можно сказать, и начались «подземные толчки» горбачевской *перестройки*.

В отделах и поэзии, и критики и эссеистики, и в литературных анкетах – в обоих журналах: как в ранней «Северной почте» при Сергее Дедюлине, так и в возникшем позднее «Обводном канале» при Кирилле Бутырине – оба поэта и редактора, оба друга, Виктор Кривулин и Сергей Стратановский, принимали весьма действенное и творчески живое участие.

В созданном при участии Бориса Рохлина в 1981 г. их литературно-критическом журнале «Обводный канал» были отражены действия, мнения

и оценки деятелей «Второй культуры» на фоне всех перемен 1980-х гг. Десятилетие существования журнала охватывает «последние хрипы» брежневского *застоя*, переходный период под Юрием Андроповым и Константином Черненко, *перестройку* и *гласность* Михаила Горбачева до самого распада Советского Союза. Всего вышло 18 номеров, и во многих из них С.Стратановский поместил свои стихи, критические работы и полемические отзывы; кроме того, он заметно участвовал в редакционной работе по отделу поэзии вообще. Идея создания журнала «Обводный канал» в основном принадлежала К.Бутырину, но именно благодаря С.Стратановскому отдел поэзии сыграл важнейшую роль и обеспечил известный успех этого издания в течение 1980–1990-х гг.

После насильственного прекращения выхода журналов «37» и «Северная почта» и для В.Кривулина, и для С.Стратановского сильно сузились возможности знакомить читателей со своей поэзией. Кроме публикаций в «Обводном канале», в 1982 г. их стихи также появились в самиздатской антологии ленинградской вольной поэзии «Острова». Нужно отметить, что в те же годы в полуофициальном/полусвободном «Клубе-81» В.Кривулину и С.Стратановскому (как и другим независимым литераторам) была дана возможность *выступить* с чтением своих произведений; при этом состоялась лишь одна *публикация* – также в подцензурном/полувольном литературно-художественном сборнике «Круг» (вышел в конце 1985 г.). В этом альманахе эти поэты впервые увидели свои серьезные произведения опубликованными в отечественной официальной печати.

Интересны высказывания двух поэтов друг о друге.

По словам С.Стратановского, «...Кривулин "открыл" человека исторического, человека, осознающего свою связь с прошлым и знающего, что история осуществляется и через него. В этом корень его поэзии и его общественной деятельности. И его творчество требует осмысления прежде всего в этом аспекте» (С.Стратановский, «Полилог», № 4, 2011, с. 135).

С другой стороны, В.Кривулин считает, что в поэзии С.Стратановского «действует властный эстетический императив, подчиняющий свободу читателя жесткой, порой жестокой иерархии нравственно-душевных задач» (В. Кривулин, *Сквозь призму боли и ужаса* // С.Стратановский. Тьма дневная. М., НЛО, 2000, с. 180).

Раскрепощая потенциалы поэтического слова, ленинградский самиздат той эпохи дал импульсы и ускорил возможности развития целой разветвленной сферы, поистине настоящей литературной среды. Одна из задач работы, частью которой является это сообщение, – оценить взаимоотношения между извечно петербургской, конкретно новой поэзией и самоутверждением самиздата во второй половине 1970-х гг., в частности уделив более пристальное внимание литературным связям между поэтами, эссеистами и редакторами-составителями Виктором Кривулиным и

Сергеем Стратановским, а именно в рамках примечательных самиздатских журналов «Северная почта» и «Обводный канал».

Литература

Marco Sabbatini. «Quel che si metteva in rima»: Cultura e poesia underground a Leningrado, Europa Orientalis (Collana di Europa Orientalis), Salerno, 2009, 466 p.

Марко Саббатини. К истории создания «Северной почты». О Викторе Кривулине. Интервью с Сергеем Дедюлиным (Рим) // Сб.: «Библиограф». Вып. 19. Париж: Издание Ассоциации «Русский институт в Париже». 2004.

Сергей Дедюлин. «Тебя здесь нет...» О «Северной почте» из дали дней // Русско-французский разговорник, или / Ou Les causeries du 7 septembre. Сборник статей в честь В.А. Мильчиной. М., НЛО, 2015, с. 217-229.

Приложение

ВИКТОР КРИВУЛИН

Перевод на итальянский Марко Саббатини

КОГДА ПРИДЕТ ПОРА

когда придет пора менять названья
центральных площадей
и воздуха единственное знамя
живыми складками пойдет –
какие люди явятся тогда!
какое облако людей
какой народ
болотный край Утопия в разливе
и острая трава
торчит воинственной и сиротливей
чем адмиральский шпиг
полузатопленные острова
следы цивилизации морской
развалины земных столиц
когда оно придет – какое выражение
отпечатлется на всех
спешащих кашляющих кутающих шею
опаздывающих ко звонку?
Подъем воды? Переворот правленья?
Но общий неподъемный грех
Как новоспущенный корабль
Скрежещет днищем по песку.

1978

QUANDO VERRÀ L'ORA

quando verrà l'ora di cambiar nome
alle piazze centrali
e l'unico vessillo all'aria
con le sue pieghe vive sventolerà
che gente apparirà allora!
che nugolo di gente
che popolo
confine paludoso – l'Utopia è in piena
e l'erba pungente
sporge più bellicosa e orfana
della guglia dell'Ammiragliato
isole semiaffondate
tracce di una civiltà marina
ruderi di capitali terrene
quando verrà, quale espressione
si stamperà su tutti coloro che
s'affrettano e tossendo avvolti fino al collo
ritardano alla sirena?
C'è l'acqua alta? Un cambio di potere?
ma il peccato collettivo è greve,
come una nave al varo, che
raschia con la carena sul fondale.

САД 9 ЯНВАРЯ

Здесь пыльный сад похож на документы,
скрепленные печатью. И в саду
печально так... Я выйду. Я пройду
вдоль перержавленной ограды:
в каком-то пятилеточном году
перенесенная зачем-то
от Зимнего дворца в рабочую слободу,
из Петербурга в сердце Ленинграда,
она дошла до степени такой
убожества и запустенья,
что рядом с нею воздух заводской
как мимолетное виденье,
как гений чистой красоты...

1987

* * *

То, что мы говорили на грани
шепота и тюрьмы,
как-то странно звучит
по Центральной программе,
словно мы – это больше не мы,
но в устах комментатора слово родное
как дурной перевод
на жаргон воровской, на язык
паранойи,
на блатную музыку болот.

1986

* * *

Пришло запоздалое снятие запретов,
бумага с печатью, где велено всем
любить замордованных наших поэтов
и трупного тела расстрелянных тем
касаться губами, как будто присягу
на гарнизонном плацу принося.
Дошли до предела. Но дальше – ни шагу
душа завоевана – вся уже. Вся.

1987

II GIARDINO “9 GENNAIO”

Il giardino polveroso è simile a vecchie
carte
vidimate. È di una tristezza tale
questo giardino... Ne uscirò. E passerò
lungo l'inferriata arrugginita:
trasferita chissà perché
in un qualche piano quinquennale,
dal Palazzo d'Inverno al quartiere operaio,
da Pietroburgo al cuore di Leningrado,
s'è ridotta a un livello tale
d'incuria e di degrado,
che al suo cospetto l'aria della fabbrica
è come una fuggevole visione
come un genio di bellezza pura...

* * *

Ciò che pronunciavamo al limite
tra il bisbiglio e la galera,
suona strano sull'edizione principale,
sembra che non siamo più noi,
in bocca al commentatore quella parola
a noi cara
è come una cattiva traduzione
nel gergo dei ladri, nella lingua della
paranoia,
nella musica malavitosa d'un luogo
paludoso.

* * *

È giunta tardi la rimozione dei divieti,
una carta timbrata dove è imposto a tutti
di amare i nostri poeti maltrattati
e di sfiorare con le labbra le spoglie
di quelli fucilati, come se si prestasse
giuramento in un campo di guarnigione.
Si è giunti al limite. Ma oltre – neanche
di un passo
l'anima è conquistata del tutto, ormai.
Del tutto.

СЕРГЕЙ СТРАТАНОВСКИЙ
Перевод на итальянский Марко Саббатини

СТРОКИ К ИСТОРИКУ

А.Рогинскому

Перепись мертвых, исчезнувших
делается для живых,
Перепись их поступков
великодушных и жалких,
Память об их дыханьи
трудном, в бушлате стужи,
Память об их архивах
в пламени воровском.
Нынче уютятся их вдовы
в нищенских комнатах,
Дарят друг другу иконки,
христосуются на Пасху,
Спрашивают у историка:
«Веруете или нет?»
Шарить в углах беспамьяства
и находить свидетельства
Жизни давно утраченной,
списанной на утиль,
Шарить в стране беспамьяства –
вот ремесло историка.
Дело разведчика Божьего,
праведный шпионаж.

1977

Потопили богов,
и живем мы в колхозе духовном
Чистотелье девушки
лен убирают в полях
Реки полны молока,
и летают по воздуху рыбы
Славят равнины и горы
и новый космический лад

1982

VERSI PER UNO STORICO

Ad A. Roginskij

Il censimento dei morti, degli scomparsi
si fa per i vivi,
Il censimento della loro condotta,
nobile o miserevole,
La memoria del loro respiro
pesante, in un pastrano di gelo,
La memoria dei loro archivi
in una fiamma furtiva.
Ora le loro vedove si ritrovano
in misere stanzette,
L'un l'altra si scambiano piccole icone,
e si baciano tre volte per la Pasqua.
E chiedono allo storico:
«Credete, oppure no?»
Rovistare negli angoli della smemoratezza
e trovare testimonianze
Di una vita ormai andata persa,
depenata come inservibile,
Rovistare nel paese della smemoratezza –
questo è il mestiere dello storico.
Missione da agente segreto di Dio,
spionaggio del giusto.

1977

Abbiamo affogato gli dèi,
e viviamo in un *kolchoz* spirituale
Fanciulle dal lindo corpo
raccolgono lino nei campi
I fiumi traboccano di latte,
e volano pesci nell'aere
Glorificano monti e pianure
E il nuovo ordine universale

1982

* * *

**Вот Павка Чичиков –
вчера партаппаратчик
Теперь хозяин фирмы по продаже
Российских голых душ
в лимонный Сингапур**

1992

* * *

**А теперь конференции
в городах их страданий и смерти
И доклады о вкладе
в мировую и, походя, в местную
И банкет у начальства
и концерт сарафанный, баянный
И поездка к могиле
(вероятной, невятно разысканной)
Или к оврагу расстрела**

1997

* * *

**Riecco Pavel Čičikov –
ieri membro d'apparato di partito
Ora padrone di un'impresa che vende
Anime russe nude
alla Singapore dei limoni**

1992

* * *

**Ed ora i convegni
nelle città dove soffrirono e perirono
E le relazioni sul contributo
alla letteratura mondiale e locale
E il banchetto presso le autorità,
il concerto di fisarmoniche e sarafan
E la visita guidata al luogo di sepoltura
(presunta, a caso rinvenuta)
O al fossato della fucilazione**

1997

ИСТОРИЯ ПРОШЛОГО ЭТО ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

Памятная записка: МАТЕРИАЛЫ К ХРОНОЛОГИИ ШТУДИЙ ПО ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ СБОРНИКОВ «ПАМЯТЬ»

Составитель С.Д.

Декабрь 1981

Последнее слово на суде Арсения Рогинского, носящее программный характер, «Положение историка в Советском Союзе», сразу же было целиком опубликовано в парижской газете «Русская мысль» и затем, трижды, в переводе на французский и немецкий языки – в научной и общественно-культурной периодике двух стран (Cahiers du Monde Russe et Soviétique, L'Histoire, Kontinent)

1985 – 1991

Сергей Дедюлин в основном им «Литературном приложении» к «Русской мысли» осуществляет несколько научно-документированных публикаций (связанных с именами Н.А. Заболоцкого и М.М. Зощенко) в традициях работы в редакции «Памяти» и в знак солидарности с коллегами ставит в качестве подписи тот же самый псевдоним, что и использовался им в №№ 2 и 5 тех Исторических сборников (В.Смирнов)

1990

Сергей Дедюлин публикует в московском журнале «Вопросы литературы» *Письмо в редакцию* с отповедью на враждебные по отношению к сборнику «Память» выпады, помещенные одновременно в этом издании и в журнале «Театр»: первое в отечественной печати серьезное и с соблюдением полной точности обращение к теме этих Исторических сборников

1991 – 1992

В Москве двумя выпусками вышел в свет новообразованный альманах «Звенья» под редакцией и с участием многих в недавнем прошлом авторов и редакторов «Памяти» (Д.М. Бацер, А.Ю. Даниэль, А.И. Добкин, Д.И. Зубарев, В.В. Иофе, Ф.Ф. Перчёнок, Б.Н. Равдин, А.Б. Рогинский)

Август 1992

Общество «Мемориал» созывает в Москве международную научно-историческую конференцию, посвященную диссидентскому движению (тема сборников «Память» на ней вовсе не затрагивается): С.Дедюлин впервые после 11-ти лет эмиграции приезжает на родину и встречается с товарищами по редакции

1993

Впервые в историко-научной литературе теме сборников «Память» уделено специальное место: итальянский историк Мария Ферретти публикует в Милане свою монографию «Искаленная память. Россия вспоминает» (*Maria Ferretti. La memoria mutilate: La Russia ricorda. Milano, Corbaccio, 1993. P. 81-85*)

1995

Выход в свет сборника «In Memoriam», посвященного памяти Ф.Ф. Перчёнка

1997

Выход в свет сборника «In Memoriam», посвященного памяти Я.С. Лурье

1999

Издание в Париже практически единственной в Европе (после классической монографии Л.М. Алексеевой) попытки научной истории диссидентства (*Cecile Vaissié. Pour votre liberté et pour la nôtre*): в ней демонстративно отсутствует толковая информация об Исторических сборниках «Память»

2000

Выход в свет сборника «In Memoriam», посвященного памяти А.И. Добкина

2000

В Париже С.Дедюлин начинает издание серии сборников «Библиограф»: первый выпуск представляет собой краткий справочник о сборнике «Память»

Декабрь 2002

С.Дедюлин, находясь в Санкт-Петербурге, организует в местном «Мемориале» первый в истории *Круглый стол*, посвященный обстоятельствам создания и издания сборников «Память» (среди участников – А.Арьев, В.Долинин, П.Кузнецов, В.Сажин; Н.Рогинская-Фрумкина отклонила приглашение, Э.Орловский не мог прийти по болезни, И.Флиге игнорировала заседание): запись дискуссии (проводилась Т.Косиновой) не была опубликована

2003

Предложение московского издательства «НЛО» выпустить в свет на русском языке завершённый к тому времени биобиблиографический словарь советских диссидентов, подготовленный Обществом «Мемориал», отвергнуто руководителями последнего А.Даниэлем и А.Рогинским: в итоге это издание (в усечённом виде) до сих пор существует только на польском и украинском языках

2005

В Париже выходит 2-е издание выпуска 1-го сборника «Библиограф», уточнённое и расширенное: впервые обнародована практически полная роспись имен и псевдонимов авторов и публикаторов Исторических сборников «Память»

2010

В Париже в качестве приложения к № 12 журнала «Другой гид» выходит сборник статей и публикаций «Декабрьский сбор друзей (К 9.XII.2010)»: в нем опубликовано немало исследований и воспоминаний, связанных с изданием сборников «Память» (среди таких авторов «Декабрьского сбора друзей» – Л.Богораз, Т.Буковская, Е.Захаров, Г.Кузовкин, Л.Поликовская, М.Яновский, а также отрывки из рукописи книги С.Дедюлина «Помнить и вспомнить»)

2010

В Париже выходит 3-е издание выпуска 1-го сборника «Библиограф», исправленное: с дополненной росписью имен и псевдонимов авторов и публикаторов Исторических сборников «Память»

2011

Издание в Санкт-Петербурге ещё одного – в виде большого и очень нарядного альбома – сборника памяти Ф.Ф. Перчёнка, полного однако грубейших принципиальных фактических ошибок и многочисленных неточностей

Февраль 2015

Александр Даниэль даёт редактору сайта Colta.ru Глебу Мореву большое интервью «Без диссидентов политика стала мелкой как лужа», в котором заметное место уделено теме сборников «Память»

Сентябрь и октябрь 2015

С.Дедюлин организует в Париже и Одессе два *Круглых стола*, целиком или в значительной мере посвящённые 40-летию создания Исторических сборников «Память» (среди участников – Б.Мартен, М.Саббатини, А.Свешников и др.)

Содержание

Памятная записка: Материалы к хронологической канве издания сборников «Память» (<i>Составитель С.Д.</i>)	3
<i>Барбара Мартен.</i> О сборниках «Память» по устным воспоминаниям редакторов	7
<i>Антон Свешников.</i> Память о «Памяти». О специфике устных источников для реконструкции истории диссидентского научно-исторического сборника	11
<i>Марко Саббатини.</i> Виктор Кривулин и Сергей Стратановский в журналах «Северная почта» и «Обводный канал»	15
<i>Приложение:</i> Стихи Виктора Кривулина и Сергея Стратановского с переводами их на итальянский язык	21
Памятная записка: Материалы к хронологии штудий по истории издания сборников «Память» (<i>Составитель С.Д.</i>)	25

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Украина)
Русский институт в Париже (Франция)
Женевский университет (Русское отделение) (Швейцария)
Университет г. Мачерата (Италия)
Одесский академический центр Международной академии наук (Украина)

Круглый стол

**«Документальная основа советского самиздата (1960–1980-е годы):
устные и письменные источники»**

Одесса, 10 октября 2015 года

Одесская национальная научная библиотека имени Горького
ул. Пастера, 13, читальный зал, ротонда, 12:00–18:00
Ведущая — *Лидия Ковальчук*

Приветствие и вступительное слово —

Эдуард Петровский (Одесса, Украина) от Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Сергей Дедюлин (Париж, Франция) от Русского института в Париже

1. Об исторических сборниках «Память»

Антон Свешников (Омск, Россия). Устные и письменные источники при изучении истории сборников «Память»

Сергей Дедюлин (Париж, Франция). Начало редакционной работы над сборниками «Память»: новые северные Афины

Барбара Мартен (Женева, Швейцария). О сборниках «Память» по устным воспоминаниям редакторов
Вопросы и обсуждение

2. Устная и письменная формы бытования русской вольной поэзии конца XX века

Аллан Рид (Фредериктон, Нью-Брансуик, Канада). Поэтические выступления Натальи Горбаневской в период самиздата и в 2007 году: устные и письменные источники, роль личных наблюдений

Сергей Дедюлин (Париж, Франция). О журнале стихов и критики «Северная почта»

Марко Саббатини (Мачерата, Италия). Виктор Кривулин и Сергей Стратановский в журналах «Северная почта» и «Обводный канал»

Сергей Стратановский (Санкт-Петербург, Россия) Хлебниковская анкета 1985 года в журнале «Обводный канал»

Вопросы и обсуждение

3. Живой контекст вольных литературных и общественных связей между Киевом, Одессой, Харьковом, Москвой и далее

Леонид Гиршович (Берлин, Германия). Русское и советское — идеологическая рокировка

Александр Алтунян (Москва, Россия). Леонид Плющ, генерал Петр Григоренко и харьковский диссидентский круг по детско-юношеским воспоминаниям

Татьяна Rogozovskaya (Киев, Украина). Виктор Некрасов «Через сорок лет»

Вопросы и обсуждение

11 октября (воскресенье)

Одесская национальная научная библиотека имени Горького
ул. Пастера, 13, читальный зал, ротонда, 12:00–15:00

Литературные чтения

Ведущий — *Сергей Дедюлин*

Проза и поэзия

Дмитрия Бобышева (Шампейн-Урбана, штат Иллинойс, США)

Леонида Гиршовича (Берлин, Германия)

Сергея Стратановского (Санкт-Петербург, Россия)

Бориса Херсонского (Одесса, Украина)

Андрея Чернова (Санкт-Петербург — Москва, Россия)